

КОГДА ЛЕС НАЗОВЁТ МЕНЯ

СТИВЕН ХАРТМАН

18+

Стивен Хартман

Когда лес назовет меня

«Автор»

2026

Хартман С.

Когда лес назовет меня / С. Хартман — «Автор», 2026

Когда Элиана убила белую олениху, лес закричал человеческим голосом. Двадцать один год она была лучшей охотницей. Верила наставнику, заменившему ей отца. Верила, что очищает лес от скверны. Пока не нашла письма. Теперь её единственный союзник — изгнанный принц, которого она должна была убить. Тот, чьё сердце ей велели принести. Чтобы исправить содеянное, Элиане придётся отдать лесу всё: силу, память, голос матери. И решить, кому она больше не позволит выбирать за неё. Тёмное фэнтези о цене правды, предательстве близких и любви, которая не спасает — но идёт рядом.

© Хартман С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Крик белой оленихи	5
ГЛАВА 2. Цена чужого сердца	10
ГЛАВА 3. Человек у святилища	16
ГЛАВА 4. До первого света	22
ГЛАВА 5. Последняя хранильница	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Когда лес назовет меня

ГЛАВА 1. Крик белой оленихи

Когда я убила белую олениху, лес впервые закричал человеческим голосом.

Крик поднялся не из её горла. Я стояла достаточно близко, чтобы видеть: разрез на шее разошёлся, из него толчками выходила кровь, а губы оставались неподвижными. Звук шёл отовсюду — из мокрой коры, из пустого дупла над моей головой, из земли под коленями.

Так кричала женщина.

Я выронила нож и прижала ладони к ушам. Не помогло. Казалось, мне вдавили в зубы железную скобу; дрожали челюсти, перед глазами плавали тёмные пятна. На миг я перестала чувствовать собственное тело. Остался только этот вопль, такой долгий, что ни у кого живого не хватило бы на него дыхания.

Потом всё оборвалось.

Я услышала, как капает кровь с кончика оленьего уха на сухой лист.

Ещё раз.

И ещё.

Надо было встать. Проверить кусты за спиной. Подобрать оружие. Вместо этого я смотрела на свои ладони: на левой багровела полоса, на правой между пальцами застрял короткий белый волос.

Мне был двадцать один год. Я охотилась с тринадцати, умела освежевать тушу до наступления темноты, не повредив шкуру, могла зашить рваную рану при свете лучины. Дважды мне приходилось убивать людей.

Ничего подобного я прежде не слышала.

Олениха лежала на боку, подогнув переднюю ногу. Теперь, когда она умерла, эта неловко вывернутая нога беспокоила меня сильнее, чем кровь. Я протянула руку и распрямила её.

— Элиана.

Я обернулась так резко, что в шее хрустнуло.

Гарт стоял между елью и ольхой. На плече висел лук, у пояса — короткий топор. Он не торопился ко мне, хотя прежде за промедление возле свежей добычи мог ударить по затылку.

— Отойди от туши.

Я попыталась подняться, но колени не удержали. Пришлось опереться о землю.

— Ты слышал?

Наставник посмотрел поверх моей головы.

— Нож заberi.

Лезвие ушло в мох почти до рукояти. Я выдернула его и машинально вытерла о траву. Та была мокрой, холодной, обыкновенной. Мне почему-то хотелось убедиться в этом пальцами.

Гарт подошёл, только когда я убрала оружие.

— Ты слышал? — повторила я.

Он взял меня за подбородок, повернул лицом к свету. Большой палец пах кожей и прогорклым жиром, которым он смазывал тетиву.

— В глаза мне смотри.

— Там кричала женщина.

— Здесь никого нет.

— Не здесь. Везде.

Он осмотрел мои зрачки, затем отпустил подбородок.

— Последние чары. Я предупреждал, что она будет защищаться.

Я посмотрела на олениху.

Перед выстрелом она тоже не пыталась убежать.

Мы нашли её след на рассвете, у ручья, где вода подмывала рыжую глину. Маленькие раздвоенные отпечатки тянулись вдоль берега, потом уходили под корни вывороченной сосны. Я присела, тронула край одного пальцем.

— Самка. Прошла недавно.

— Это я и без тебя знаю.

Гарт поправил ремень на плече.

Он всегда заставлял меня говорить больше, чем хотелось. Назвать глубину следа, направление ветра, расстояние между отпечатками. В детстве мне казалось, что он ничего не видит сам и пользуется моими глазами. Позже я поняла: он приучал меня замечать ошибку раньше, чем она убьёт.

— Идёт медленно, — добавила я. — Не хромает. К ручью спускалась пить, обратно поднялась здесь же.

— Дальше.

Под кустом орешника белела шерстинка. Я сняла её с ветки и показала ему.

Наставник кивнул.

Заказ он принёс накануне. В охотничьем доме топили печь сырыми поленьями, у меня от дыма слезились глаза. Я чинила рукав, прожжённый у костра, когда на стол легла узкая дощечка с рисунком: белая олениха, на шее изогнутый след старой раны.

— Не перепутаешь, — сказал Гарт.

— Белых здесь раньше не было.

— Теперь есть.

— Чем она провинилась?

Он налил себе остывшего отвара.

— Уводит людей с дороги. Трое пропали за неделю возле северного брода. Одного нашли в болоте. Других пока нет.

Я провела иглой сквозь ткань, вытянула нить.

— Кто её видел?

— Мальчишка угольщика. Побежал следом, отец успел перехватить.

Этого хватило. В северной топи я сама однажды провалилась по пояс; Гарт вытащил меня за волосы, потому что протянутая рука уже ушла под жидкий мох. Иногда во сне мне до сих пор набивалась в рот холодная болотная вода.

— Сколько?

Он назвал цену, и я положила рубаху на колени.

За обычную олениху столько не платили. Даже за зимнюю шкуру без единого пореза.

— Живой она им не нужна?

— Тебе не хватит верёвок.

Я усмехнулась. На этом разговор закончился.

Теперь мы шли по её следу всё дальше к западу. Земля становилась суше, но деревья стояли теснее, и приходилось протискиваться боком. Один раз ветка зацепила мне запястье, стянув рукавицу. Я поправила её, закрыла родимое пятно у основания ладони и пошла дальше.

После полудня Гарт остановился.

— Обойду справа. Держись низины.

— Ветер оттуда. Она тебя учует.

— Пусть.

Я поняла: он собирался поднять зверя и направить ко мне.

Уходя, наставник задержал руку на моём плече.

— Если услышишь что-нибудь странное, не слушай.

— Как это?

— Не пытайся разобрать. Особенно слова.

Я хотела спросить, почему он не сказал об этом вчера, но Гарт уже шагнул за ствол. Его серая куртка исчезла среди лишайников.

Я осталась одна.

В низине лежала прошлогодняя листва. Под ней местами хрустел тонкий лёд, хотя наверху, на открытых склонах, земля давно оттаяла. Я двигалась медленно, ставя ногу сперва на внешний край подошвы.

Олениху увидела в низине, у старого солонца, между двумя камнями.

Она стояла в выемке, где обычно собиралась талая вода, но сейчас было сухо. Шерсть оказалась не совсем белой: под горлом и на животе проступал бледный тёплый оттенок, как у сливок. Никакого сияния. Ничего сказочного. Копыта облепила грязь, к боку пристал репей.

На шее темнел узкий шрам.

Я подняла лук.

До неё было шагов тридцать. Между нами торчала одна тонкая ветка; достаточно податься вправо, и она не помешает стреле.

Олениха повернула голову.

Я замерла с натянутой тетивой. Она смотрела прямо на меня, не шевеля ушами. Я ждала, что сейчас белое тело сорвётся с места, мелькнёт над камнем — придётся брать упреждение, выпускать стрелу на выдохе.

Но зверь стоял.

Ветер донёс запах влажной шерсти и что-то ещё, смутно знакомое. Так пахла одежда, которую принесли с мороза и повесили у огня. Я вдруг вспомнила шерстяной воротник у своей щеки. Чьи-то руки под бёдрами: меня несли.

Воспоминание исчезло прежде, чем я успела понять, откуда оно взялось.

Рука начала уставать.

Я выстрелила.

Олениха пошатнулась, сделала два коротких шага ко мне и опустилась на передние колени. Стрела вошла за лопатку, чуть выше, чем я целилась. Добротный выстрел, но не мгновенная смерть.

Я подождала, наложив вторую стрелу.

Она больше не поднялась.

Приближаться к раненой твари следовало со спины. Я знала это, однако обошла камень и оказалась перед её мордой. Большой тёмный глаз оставался открытым. В нём отражались ветви и моё собственное лицо — крошечное, искажённое выпуклой поверхностью.

— Тихо, — сказала я.

Так я говорила всякой добыче, если приходилось заканчивать ножом. Не знаю зачем: вряд ли мой голос облегчал ей смерть.

Олениха вытянула шею.

Старый шрам пересекал её сбоку, под ухом. Я разглядела светлые стянутые края, редкую шерсть поверх них. Когда-то рана была глубокой. И всё-таки зажила.

Я опустилась на колено, ухватила голову, чтобы не дёрнулась, и сделала то, чему меня учили.

— Элиана. Хватит смотреть.

Гарт положил мне на плечи свой плащ.

Только тогда я поняла, что дрожу. Я никак не могла застегнуть плащ; металлический крючок стучал о пряжку на груди. Наставник убрал мои руки и застегнул сам.

— Дыши медленнее.

— Она не защищалась.

— А ты чего ждала? Рогов у самки нет.

— Я говорю не об этом.

Он достал флягу, выдернул пробку зубами. Я сделала глоток. Крепкий настой обжёг горло; от кашля выступили слёзы.

Гарт всегда говорил, что перед охотой плачут только те, кто не намерен вернуться. Магические твари чувствуют слабость. Я научилась сдерживаться ещё девочкой, прикусывая щёку изнутри, и теперь торопливо вытерла лицо рукавом.

Наставник сделал вид, что не заметил.

— Послушай меня. Ты перерезала ей горло. Воздух уходил через рану. То, что жило в ней, вышло вместе с последним дыханием.

— Из земли?

— А где, по-твоему, берётся лесная скверна?

Я посмотрела под ноги.

Между корнями тянулась свежая трещина. Узкая, с ладонь длиной. Из её глубины поднимался сырой запах, хотя верхний слой почвы здесь был сухим.

Гарт тоже увидел её. Сдвинул носком сапога листья.

— Весна.

— Ты даже не посмотрел.

Он выпрямился.

Я знала это движение. После него лучше было замолчать. Не потому, что он обязательно ударит: за последние годы такое случалось редко. Просто лицо его становилось терпеливым, и любое моё слово начинало звучать глупо ещё прежде, чем я успевала его произнести.

— Хочешь знать, что я слышал? — спросил он.

Я кивнула.

— Младшего брата.

О брате Гарта мне было известно только то, что он умер задолго до моего рождения.

— Но ведь...

— Вот именно. Ты услышала женщину, я — мальчика. Она не может больше тронуть тебя копытом, зато может заставить бросить оружие. Остальное сделают холод, темнота и волки.

Мне стало стыдно за нож, который я выронила.

Наставник присел возле туши и осторожно коснулся открытого глаза. Олениха не моргнула. Под его пальцем глаз казался уже не живым, а стеклянным.

— Мёртвая, — произнёс он. — Всё закончилось.

Я хотела поверить. Он забирал у случившегося непонятность, раскладывал её на вещи, с которыми можно справиться: наваждение, испуг, усталость. С этим я умела обходиться.

Гарт вытащил мою стрелу. Осмотрел наконечник, вытер о клочок мха.

— Хорошо положила.

Я приняла древку.

Похвала у него всегда была короткой. Обычно её хватало мне надолго.

— Шкуру снимаем здесь? — спросила я.

Голос получился почти обычным.

— Нет. Заберём целиком.

— До тропы далеко.

— Потому и нечего стоять.

Он развязал моток верёвки. Я выбрала молодую ольху, срубила её его топором, обтесала сучья. Работа помогала: было понятно, куда ударить, что придержать, от чего отвести руку. Пока мы привязывали ноги к жерди, я старалась не касаться белой шерсти голой кожей.

Туша оказалась неожиданно лёгкой.

Мы несли её вдвоём: Гарт впереди, я сзади. Кровь уже не капала. Голова покачивалась возле его бедра, изредка задевала сапог носом.

На середине подъёма я услышала хруст и остановилась.

— Что там? — не оборачиваясь, спросил наставник.

— Ничего.

За нами, внизу, между двумя камнями осыпалась земля. Совсем немного: комок, ещё один. Можно было решить, что вылезает мышь.

Я поправила жердь на плече.

До тропы мы дошли к сумеркам. Там были привязаны лошади, а под рогожей лежали оставленные утром сумки. Гарт погрузил олениху поперёк седла своей кобылы. Пришлось прикрыть кобыле глаза и держать её за недоуздок, пока она не перестала пятиться.

Обычно его лошадь спокойно возила дичь.

— Крови много, — сказал он, хотя я ни о чём не спрашивала.

Я помогла затянуть ремни.

Потом наставник порылся в седельной сумке и протянул мне кошель. Серебро звякнуло глухо, через кожу.

— В счёт твоей доли. Остальное получишь у казначея.

— Уже?

— Я же видел, как ты её взяла.

Я не стала пересчитывать. Даже здесь по весу было больше, чем я зарабатывала за месяц мелкими заказами. Можно купить хорошие сапоги, вернуть лекарю долг за зимнюю горячку. Заменить наконец одеяло, сквозь которое тянуло даже у стены возле печи.

Гарт всё ещё держал кошель за тесёмки.

— Ты сделала нужное дело, — сказал он. — Сегодня ночью кто-то вернётся домой. Понимаешь?

Я подумала о мальчишке угольщика. О его отце, успевшем схватить сына за ворот.

— Да.

Он разжал пальцы.

На обратном пути наставник шёл впереди и вёл свою кобылу на поводу. Я ехала следом. Белую тушу закрывала рогожа. Из-под неё виднелось только ухо, сероватое в вечернем свете.

Я старалась смотреть на дорогу.

Крик не повторился. По кустам шуршали дрозды, вдалеке дробно стучал дятел. Ветви цеплялись друг за друга с привычным деревянным скрипом. Мир снова издавал звуки, для которых находилось объяснение.

У поворота я незаметно вынула из кошеля серебряную монету.

Потёрла большим пальцем выбитую корону, нащупала зубцы по краю. Настоящая плата за настоящую работу. Не женщина в деревьях. Не чужие руки, державшие меня когда-то у груди.

Последние чары добычи.

Я повторяла это про себя до самых ворот.

Во дворе охотничьего дома я сняла с оленихи шкуру. Сердце Гарт вырезал сам, велел мне отвернуться, и убрал в закрытый сосуд.

А ночью, отмывая нож, обнаружила в щели между рукоятью и лезвием белый волос. Долго подцепляла его иглой. Вытащила, положила на край стола и уже занесла руку, чтобы смахнуть в огонь.

Потом завернула в чистую тряпицу.

Не знаю зачем.

ГЛАВА 2. Цена чужого сердца

Серебро я пересчитала дважды: сначала у стола, куда наставник высыпал мою долю, потом у себя на койке. Во второй раз монет оказалось столько же, но я всё равно провела ногтем по каждой насечке.

За стеной храпели. Кто-то кашлял в рукав, стараясь не разбудить остальных. Под потолком сохли охотничьи плащи; с одного ещё капало в подставленный таз. Я знала этот звук лучше любой песни. Зимой капли падали реже: ткань сперва оттаивала, тяжело оседая на жерди.

Моя койка стояла у наружной стены. В щель между брёвнами я ещё осенью натолкала пакли, но ветер нашёл себе другую дорогу и теперь шевелил волосы у виска.

Одиннадцать лет на этом месте. С десяти лет, когда Гарт перевёл меня из своего жилья в общий дом. До того я спала у него за печью и просыпалась от скрипа его сапог. Он говорил, что взял меня трёхлетней. Я этого не помнила: в самых ранних моих воспоминаниях он уже был рядом.

Я сложила серебро в мешочек и убрала под рубаху. От монет пахло металлом и чуть-чуть — кровью: я плохо вычистила ногти после разделки.

Стоило закрыть глаза, как снова начинался крик.

Не олений. Такой голос мог быть у женщины, которую я не видела за деревьями и которой не помогла.

Я села.

— Элиана.

В дверях стоял мальчишка из конюшни. Босой, в чужой куртке до колен.

— Наставник велел прийти.

— Сейчас?

Он покосился на тёмное окно.

Я натянула сапоги. Прежде чем выйти, спрятала мешочек под доску у стены. Здесь не крали у своих, но однажды у меня исчезла костяная игла, оставшаяся от матери. Нашлась через месяц в чужой сумке. Хозяин сказал, что перепутал.

С тех пор я берегла даже то, что можно было купить.

У наставника горела лампа под зелёным стеклом. На столе лежали карта, хлебная корка и нож с потемневшей рукоятью. Тем самым ножом он когда-то разрезал мой первый охотничий сапог, чтобы снять его с распухшей ноги. Я угодила в собственную ловушку и ждала, что меня прогонят.

Он тогда только сказал: «Другой раз ставь так, чтобы зверю тоже досталось».

— Закрой дверь.

Я закрыла её и осталась возле порога.

Наставник не предложил сесть. Он вообще редко предлагал то, что считал лишним. Для остальных он был начальником охотников, для меня — прежде всего человеком, чьего короткого слова хватало, чтобы я перестала сомневаться.

— Деньги убрала?

— Да.

— Не потеряй.

Я кивнула.

Он разгладил край карты. Большой палец у него плохо сгибался после старого перелома; прежде чем прижать бумагу, он всегда поворачивал кисть. Я смотрела на это движение и думала, что знаю его руки лучше собственного лица.

— Ты снова слышишь тот крик?

Я подняла голову.

— Кто сказал?

— Никто. Спрашиваю.

Пламя дёрнулось под стеклом. По карте поползла тень от его руки.

— Когда олениха упала, закричали.

— Где?

— Везде.

Он помолчал.

— Проклятая чаща повторяет человеческие голоса. Иногда просит о помощи. Иногда зовёт знакомым именем. Ты не пошла на звук?

— Нет.

— Правильно.

Наставник произнёс это буднично, и я почти поверила, что говорить больше не о чем. Почти. У той оленихи дрожало ухо, когда я подошла. Редкая белая шерсть над старым шрамом разошлась тонким пробором.

— Она не пыталась уйти, — сказала я.

— Значит, не считала тебя опасной.

— И смотрела.

— У неё были глаза, Элиана.

Я опустила взгляд.

Он отодвинул хлебную корку, освобождая место на столе.

— Есть работа.

— До конца весны я хотела остаться здесь. Починить снаряжение.

— Починишь.

— И выспаться.

— Потом.

Я ждала обычного описания: следы у мельницы, разорённый загон, пропавший угольщик. Наставник достал из ящика сложенный лист и положил передо мной.

На плотной бумаге было нарисовано мужское лицо, а ниже описаны его приметы и обещана награда. Молодое, узкое; прямой нос, волосы до воротника. Художник тщательно выписал застёжку плаща, а глаза обозначил почти чёрными пятнами. Рот был сжат в жёсткую линию.

— Каэль, — сказал наставник. — Сын тёмного короля. Бывший наследник.

Я подошла к столу.

— Изгнанный?

— За неповиновение отцу.

В трактирах об этом рассказывали уже третий месяц. Одни уверяли, что принц отравил братьев. Другие — что братьев у него никогда не было, а отравить он пытался короля. В каждой новой истории прибавлялись покойники.

— Что он сделал на самом деле?

— Теперь это неважно.

— Если мне идти за ним, важно.

Наставник посмотрел на меня. Я убрала руки за спину, чтобы не было видно, как пальцы сжались в кулаки.

Он медленно кивнул.

— Сядь.

Я придвинула табурет.

— Он собирает силу у старых святилищ, — продолжил наставник. — Ищет способ разбудить то, что лежит под лесом.

Я знала, что он назовёт, ещё до того, как услышала:

— Пожирателя.

В детстве этим именем пугали не меня, а детей торговцев, когда те заглядывали во двор охотничьего дома. Я была уже слишком большой для сказок, зато ещё достаточно маленькой, чтобы слушать из-за поленницы.

Не ходи за оградой. Не отвечай из темноты. Пожиратель услышит.

— Он существует?

Наставник наклонился и вытащил из-под стола деревянную коробку.

Внутри, на серой ткани, лежал обломок корня. Толщиной с моё запястье, чёрный, с полоской содранной коры. Там, где должна была белеть древесина, виднелась рыхлая масса, похожая на остывшую кашу.

— Из колодца в Нижних Ольхах, — сказал он. — Три недели назад вода сделалась тёплой. Потом пропали двое, которые спустились чистить сруб. Верёвку вытащили. Их — нет.

Я потянулась к обломку.

— Не трогай.

Я отдернула руку, и крышка тут же захлопнулась.

— Село опустело, — продолжил наставник. — Людей перевели к переправе. Скот пришлось забить: он не шёл из стойл, даже когда подожгли сено.

— Почему я ничего об этом не слышала?

— Потому что тебя отправляли охотиться, а не слушать донесения.

Это казалось справедливым. Оттого было неприятнее.

Он развернул карту и поставил лампу ближе. Наше королевство занимало левую половину листа; справа, на востоке, чернели условные горы и чужие крепости. Между ними тянулась широкая полоса леса, перечёркнутая несколькими старыми дорогами.

На одной из них погибла мать.

Так говорил наставник. Самой дороги я не помнила и всё равно старалась не смотреть на неё.

— Здесь Каэля видели в последний раз.

Его нготь остановился у западного края чащи, рядом с маленьким кружком.

— Развалины?

— Святилище. Отсюда четыре дня, если пройти старой угольной тропой.

— Пять. У ручья обвалился склон.

— Значит, пять.

Я наклонилась над бумагой.

— Сколько с ним людей?

— По последним сведениям, никого.

— Принц без охраны?

— Изгнаннику не положено войско.

— А слуги?

— Те, кто хочет дожить до старости, ему не служат.

Я снова посмотрела на рисунок. Мужчина был немногим старше меня. Такого можно встретить у лотка с яблоками: выбирает, ищет мелочь, сердится на продавца. Даже тёмные глаза и сурово сжатый рот не делали его страшным.

— Почему не послать отряд?

— Чтобы тёмный король получил повод ввести свой? Мы не воюем, Элиана. Пока.

— Но убить его сына можем.

— От которого он отрёкся.

Наставник сел напротив. Теперь между нами лежало чужое лицо.

— Послушай меня внимательно. Каэль вырос среди тех, кто умеет подчинять тени. Он может заговорить с тобой, показаться раненым, попросить воды. Ты не должна слушать. Не должна подходить к нему с пустыми руками.

— Я умею охотиться.

— На зверя. Этот будет знать, что сказать.

Я провела ладонью по колену. На штанине засохла белёсая полоса соли.

— Что принести?

Он ответил без заминки:

— Сердце.

Я уже убивала людей. Один душил меня ремнём; другой держал девочку перед собой, но я успела пустить стрелу, прежде чем он прикрылся ею. Их лица иногда вспоминались, но никогда — заранее.

Сейчас мне дали время разглядеть лицо будущего мертвеца.

— Целиком, — добавил наставник. — И не повреди, когда будешь вынимать.

— Для доказательства?

— Чтобы он не поднялся снова.

Я посмотрела на закрытую коробку с корнем.

— Сколько?

Вопрос прозвучал хрипло. Я кашлянула, словно это могло что-то исправить.

Наставник достал второй лист.

— Дом.

Я решила, что ослышалась.

Он подвинул бумагу ко мне.

Внизу краснела печать. Над ней — мелкий ровный почерк, который я разбирала медленно, ведя глазами вдоль строк. Земля у южной заставы. Жилой дом. Колодец. Право владения без ежегодной подати охотничьему дому.

Моё имя.

Я прочла его ещё раз.

— Чей он?

— Был переписчика. Вдова уехала к дочери. Казна выкупила участок прошлой осенью.

— Жилой?

— Печь целая. Крыша новая с северной стороны.

— А с южной?

Уголок его рта чуть приподнялся.

— Посмотришь сама.

Я ненавидела себя за следующий вопрос ещё до того, как задала:

— Там есть яблони?

— Две. Старые.

Я знала этот дом. Проходила мимо, когда вела раненого пса к повитухе. У крыльца рос крыжовник, а на окне стояла синяя миска с пророщенным луком.

Вдова тогда вышла вытряхнуть половик.

Я помнила, как подумала: у неё есть что вытряхивать. Свой половик, своя пыль. Можно постоять на пороге и решать, вернуться ли внутрь или ещё погреться.

— Бумагу получишь после, — сказал наставник. — Но место оставлено за тобой.

Я убрала руку от края листа. Только теперь заметила, что касалась его пальцами.

— Кто обещает?

— Я.

Сколько я себя помнила, он говорил мне, когда есть, куда идти, кого опасаться. Сначала у себя дома, потом здесь. Даже на могилу матери я впервые попала потому, что он дал полдня и велел вернуться засветло.

Теперь он предлагал дверь, которую я могла бы закрыть перед ним.

Наверное, поэтому я не сразу поверила.

— Навсегда?

Наставник выпрямился.

— Ты заслужила больше койки в общем доме.

От этих слов стало больнее, чем от любого его окрика.

Я встала.

— Мне нужны две новые тетивы. Сухой трут. И соль.

— Получишь.

— Сердце я понесу в соли?

— В сосуде. Его приготовят к утру.

Я свернула рисунок, но наставник придержал край.

— Элиана. Не пытайся взять его живым.

— Ты уже сказал.

— Повтори.

Я посмотрела ему в лицо.

— Я принесу сердце.

Тогда он отпустил бумагу.

До рассвета я не заснула.

Проверила швы на сапогах, смазала ножны, заменила ремешок на колчане. Из общего запаса мне выдали крупу, сушёное мясо и кусок твёрдого сыра. Всё это я уложила в заплечный мешок, оставив сверху место для сосуда.

Он оказался глиняным, обожжённым почти до черноты, с широким горлом и плотно пригнанной крышкой. Внутри лежала соль. Я обернула его запасной рубахой.

Потом достала часть накоплений из-под доски.

На дом я копила четыре года. Хватало на дверь, немного железа и, возможно, на несколько хороших брёвен, если самой тащить из леса. Каждую зиму накопленное съедали сапоги, лекарства, новые стрелы.

Я высыпала монеты на одеяло.

Сначала надо отдать долг лекарю. Потом можно купить медный таз. Стол. Два стула, хотя второй пока ни к чему. На окна понадобятся занавески — не для красоты, а чтобы вечером никто не видел меня с дороги.

Я собирала серебро по одной монете, злясь на себя за то, как быстро научилась жить в ещё не полученном доме.

На дне вещевого сундука лежала материнская игла. Я завернула её в тряпицу и положила во внутренний карман, рядом с белым волосом оленихи, который так и не сумела выбросить.

Остальные накопления оставила под доской.

У южной заставы уже подняли шлагбаум. Телега с пустыми бочками грохотала на выезде; возчик ругался с караульным из-за пошлины.

Я свернула с дороги.

Дом стоял за покосившейся оградой. На крыше действительно различалась свежая драпка, светлее старой. Одно окно закрыли ставней, в другом отражалось бледное утро. Крыжовник разросся и цеплялся за нижнюю ступень крыльца.

Я толкнула калитку. Та поддалась с коротким скрипом.

Две яблони росли у колодца. Под одной чернели сморщенные плоды, не убранные с осени. Я подняла яблоко, повертела и бросила к ограде. Если открыть дом сейчас, из него, наверное, потянуло бы сыростью. Пришлось бы сперва протопить печь, вымыть пол, проверить, не завелись ли мыши.

За дверью ничего не двигалось.

Я положила ладонь на доски.

Ключа у меня не было.

Наставник ждал у северных ворот охотничьего двора. Пока я ходила к заставе, он успел оседлать мне гнедую кобылу.

— До смолокуров доедешь верхом. Там оставишь.

Я подтянула подпругу.

Он не спросил, где я была.

— На западном берегу ручья держись выше, — сказал он. — Низину затянуло.

— Знаю.

— Если увидишь огни, не сворачивай к ним.

Я закрепила мешок позади седла. Сосуд тихо стукнул о пряжку, и я переложила рубаху плотнее.

Наставник подошёл и поправил ворот моего плаща. Так он делал, когда я была маленькой: коротко, почти сердито, будто я нарочно оставляла шею открытой холоду.

— Возвращайся, — сказал он.

Я хотела спросить, вернулся бы кто-нибудь за мной, если бы я не смогла сама. Но утро уже началось, во дворе точили топор, из кухни несли хлеб, и такой вопрос показался детским.

Я села в седло.

К полудню город исчез за холмами. Потом кончились вспаханные полосы, редкие изгороди и дым над человеческим жильём. Ветер приносил запах мокрой хвои.

На последнем подъёме кобыла остановилась сама.

Лес стоял впереди, от края до края. Над ним светлело небо, но между стволами ещё держалась ночная темнота. Я знала тропу до смолокуров, знала брод и сухой овраг, где можно переждать ливень. Дальше начинались места, откуда охотники приносили чужие рассказы вместо добычи.

Я коснулась пятками боков кобылы.

Под плащом шевельнулся сложенный портрет. При каждом шаге лошади край бумаги тёрся о рёбра.

Я ехала к человеку, чьего голоса ещё не слышала, а в уме уже переставляла стол под окно.

ГЛАВА 3. Человек у святилища

След обрывался у ручья.

Я присела на корточки и провела пальцем по вмятине в сыром мху. Каблук отпечатался глубоко, носок почти не тронул землю: человек спускался боком, придерживаясь за ствол. На коре остался мазок грязи.

Он устал.

Мне хотелось, чтобы это оказалось хитростью. Измученного человека убить легче, но потом труднее забыть, как он выглядел перед смертью.

Ручей тёк справа налево. По крайней мере, листья на поверхности двигались именно так. Под ними, в прозрачной воде, длинные пряди травы гнулись в обратную сторону. Я не стала наполнять флягу.

За спиной хрустнула ветка.

Я обернулась, уже держа нож, и увидела только два ствола, между которыми недавно прошла. Серая кора, космы лишайника, провисшая паутина. Ничего, что могло бы сломать сухой сук на высоте моего плеча.

— Знаю, — сказала я тихо.

В лесу нельзя было показывать, что испугалась. Наставник вбил это в меня прежде, чем научил правильно ставить силки. Иногда я разговаривала с тем, чего не видела. Обычно после этого становилось тише.

Сейчас за деревьями что-то выдохнуло.

Я убрала нож и пересекла ручей по камням.

След нашёлся выше по склону: примятый папоротник, сбитая шляпка гриба, на колючке — тёмная шерстяная нитка. Каэль шёл без проводника и не слишком старался скрыться. Либо не ждал погони, либо больше не мог тратить на неё силы.

В кожаном мешочке у меня под курткой лежала соль. Рядом — сложенный вчетверо кусок вощёного полотна. Сердце следовало завернуть сразу, пока не остыло, не касаясь голыми руками, а затем уложить в сосуд с солью, который я несла в сумке.

Эту часть наставлений я помнила особенно хорошо.

За сердце мне обещали дом.

Не комнату над псарней, где зимой вода в кувшине покрывалась льдом. Собственный дом, с печью, крепкой крышей и дверью, которую можно запереть изнутри. Я не позволяла себе представлять его слишком подробно. От таких мыслей охотник становится неосторожным.

Наверху пахло погасшим костром.

Я легла за поваленным деревом и медленно приподняла голову.

Святилище стояло в неглубокой котловине. От крыши остались две каменные балки; одна лежала поперёк ступеней, другая висела над входом, зажатая корнями. Задняя стена осела. Через пролом внутрь выросла сосна, и её ствол раздвинул кладку, словно камень был мягкой глиной.

Человек сидел у порога.

Без короны, без доспехов, без чёрных знамён, которые так любили рисовать на листках с объявлениями. Рукава тёмной рубахи были закатаны до локтей. На колене лежал башмак, и человек протягивал сквозь подошву дратву.

Я долго смотрела на его руки.

Убийцу нетрудно представить с мечом. Гораздо хуже — с сапожной иглой, которую он никак не может продеть в старое отверстие.

На вид ему было лет двадцать пять. Может, чуть больше, если судить по складке между бровями. Тёмные волосы, впалые щёки, светлая полоса старого шрама возле подбородка. Сход-

ство с рисунком было достаточным, чтобы узнать его, хотя лицо там казалось жёстче, а глаза художник едва наметил.

Отсюда их цвет я различить не могла.

Зато видела меч. Он лежал справа, вплотную к бедру.

Я отвела взгляд и занялась местностью.

К порогу вели три подхода. Открытые ступени отпадали сразу. Слева землю покрывал сплошной ковёр сухих веток. Справа тянулась низкая стена, наполовину ушедшая в землю. Если обогнуть котловину и спуститься за неё, до Каэля останется не больше десяти шагов.

Ветер дул мне в лицо.

Я поползла назад.

На обход ушло больше времени, чем хотелось. Пришлось снимать с плеча лук, проталкивать его под корнями, потом ползти самой, прижимаясь щекой к мокрой земле. За низкой стеной лежала поваленная колонна. Я добралась до неё и осторожно сняла колчан и сумку. Ничто не должно было звякнуть.

Лук я положила рядом, в тень между камнем и кладкой.

Стрелять в грудь было нельзя. Стрела могла повредить то, за чем меня послали. Горло было слишком узкой целью для выстрела по человеку, склонившемуся над работой. Я решила подойти сзади, зажать ему рот и ударить ножом сбоку в шею. Сердце останется целым. Нужно только не дать ему повернуться.

Я умела подходить близко. Делала это десятки раз.

Правда, обычно моя добыча не чинила обуви.

Когда я подползла к краю стены, Каэль уже обулся. Он стоял спиной ко мне, склонившись над плоским камнем внутри святилища. В левой руке держал железную чашу. Пальцами правой что-то растирал по её краю.

Меч висел у него на поясе.

Я вытянула нож из ножен.

Клинок был узким, без зубцов, с чуть загнутым остриём. Наставник сам выбрал его для этой охоты. Острый, лёгкий, послушный малейшему повороту кисти.

Каэль вдруг поднял голову.

Я замерла по другую сторону кладки. Между нами оставалось шесть шагов.

— Если ты ещё там, — произнёс он, — не подходи к порогу.

Голос оказался негромким, слегка охрипшим. Не приказ. Предупреждение.

Он меня заметил.

Я могла уйти. Отступить за стену, вернуться за луком, дожждаться ночи. Но его правая рука уже опускалась к поясу, и я увидела всё, чему меня учили: поворот плеча, перенос веса, движение пальцев к оружию.

Я перескочила кладку.

Первый шаг он услышал. На втором развернулся. На третьем я ударила.

Он успел вскинуть руку, закрывая горло. Я отвела нож вниз, под его локоть, уже не думая о том, как собиралась убить. Каэль подался в сторону. Остриё скользнуло по нижнему ребру и вошло наискось, вдоль бока, вместо того чтобы уйти в глубину. Он резко втянул воздух. Чаша ударилась о камень и покатилась к ступеням.

Я попыталась повернуть клинок.

Он перехватил моё запястье.

Боль прошла от пальцев до локтя. Я толкнула его плечом, стараясь вырваться, но он шагнул вместе со мной и прижал меня к уцелевшему косяку. Камень ударил в затылок. Перед глазами мелькнуло белое.

Я даже не увидела, как он достал меч.

Почувствовала только холод у горла.

— Отпусти, — сказал он.
Я стиснула рукоять.
Он усилил хватку, и пальцы разжались сами.
Мы стояли почти вплотную. Нож торчал у него под левыми рёбрами, из тёмной ткани выступала кровь. Лицо Каэля стало серым, но рука с мечом не дрожала.
Ему достаточно было податься вперёд.
Я старалась не сглатывать.
Вблизи глаза у него оказались серыми, с узким тёмным ободком вокруг радужки. Он смотрел не зло. Сосредоточенно, как минуту назад на разошедшийся шов подошвы.
Я не знала, что делать с этим спокойным взглядом.
— Элиана, кто тебя послал?
— Пошёл ты.
Он выдохнул через нос и на миг прикрыл веки.
Я ударила коленом.
Каэль развернул бедро, принимая удар вскользь, и сильнее прижал моё запястье к камню. Острие оцарапало кожу под челюстью. Тёплая капля поползла к вороту.
— Ещё раз, — произнёс он, — и я могу не удержать руку.
Он не угрожал. Ему было больно.
Это я тоже знала: такой короткий вдох, напряжённый живот, пот над верхней губой. Я сотни раз смотрела, как боль меняет живое тело.
Внизу, у наших ног, звякнула чаша.
Она давно перестала катиться.
Мы оба опустили глаза.
Чаша подрагивала на ступени. Из трещины под ней сыпался песок.
Каэль выругался.
— Ты перешла черту?
Я молчала.
— У стены. Белый порошок. Ты наступила на него?
Я вспомнила бледную полосу в земле. Решила, что это истлевшая известка.
Под подошвами глухо толкнуло.
Каэль убрал меч от моего горла.
Я не сразу поняла, что свободна. Его пальцы разжались, и рука упала вдоль тела, чужая от боли. Можно было броситься к стене. До колонны с моими вещами оставалось всего шесть шагов.
За ней, прямо у дороги назад, шевельнулась земля.
Сначала показалось, что под ней ползёт крупный зверь. Дёрн вспучился длинной складкой, разорвался. Наружу вылезла человеческая кисть.
Я видела мертвецов. На дороге после разбойничьего набега, в овраге за сгоревшей деревней, весной в реке. Утонувшие иногда двигались, когда вода переворачивала их возле коряг.
Здесь воды не было.
Пальцы вцепились в траву.
Каэль толкнул меня за спину так сильно, что я ударилась бедром о камень.
Из земли поднялась голова с провалившимся ртом. За ней — плечо, обтянутое остатками сукна. Мертвец высвобождался рывками, помогая себе одной рукой; второй не было до самого локтя.
Я дёрнулась к ножу, прежде чем вспомнила, где он.
Каэль заметил движение.
— Не трогай.

Он стоял между мной и склоном. Левую руку прижимал к боку, обходя рукоять. Меч держал низко.

Мертвец вырвал ноги из почвы.

Следом за ним на склоне лопнули ещё две земляные складки.

— Назад, — сказал Каэль. — Внутрь.

— Это ты их...

Первый бросился на нас.

Не поплёлся, не захромал. Побежал, нелепо высоко поднимая колени. Из распоротого живота сыпалась земля.

Каэль встретил его на ступенях. Удар пришёлся в шею; сухо треснуло, голова откинулась, но тело продолжило двигаться. Принцу пришлось отступить, уходя от единственной руки, и рубить снова.

На этот раз мертвец упал.

Его пальцы ещё несколько раз скребнули по камню.

Я подняла железную чашу.

Глупое оружие. Запасной нож сидел глубоко за голенищем; нагнуться за ним я уже не успевала.

Второй лез справа, цепляясь за кладку. Женщина — я поняла это по остаткам истлевшего платья с медной застёжкой. Лица почти не сохранилось, но в ухе покачивалось маленькое кольцо.

Я ударила чашей по её пальцам.

Кости хрустнули. Она не отёрнула руку.

— Внутрь! — крикнул Каэль.

Женщина перевалилась через стену. Я попятилась, споткнулась о корень и села на землю. Чаша выпала.

Мёртвая упала на четвереньки.

Я выставила сапог ей в лицо, но она вцепилась мне в голень обеими руками и потянула к себе. Под подошвой смялось что-то мягкое. Рот открылся так широко, что нижняя челюсть повисла на полосе кожи.

Я закричала — не от страха даже, от ярости, потому что никак не могла высвободить ногу.

Каэль перехватил меч обеими руками и опустил клинок на её затылок.

Хватка ослабла.

Я отползла, сбрасывая с сапога переломанные пальцы.

Принц покачнулся. На рубахе вокруг ножа расползлось мокрое пятно.

За стеной поднимались новые головы.

— Там нет выхода, — сказала я, глядя в тёмный проём святилища.

— Здесь тоже.

Он отступил к порогу, не поворачиваясь к склону спиной. Я встала, ухватившись за край кладки, и протиснулась мимо него.

Внутри пахло старой золой. Свет проникал через разбитую крышу и пролом, занятый сосной. Между её корнями белела ещё одна полоса порошка. У дальней стены лежал свёрнутый плащ, рядом — мешок и длинный холщовый футляр. Ни пленных, ни костей принесённых в жертву младенцев. Только скудные вещи человека, который ночевал на камнях.

— Мешок, — выговорил Каэль. — Боковой карман.

Я бросилась к нему.

Снаружи скрежетнуло железо. Потом послышался тяжёлый выдох.

— Быстрее.

В кармане оказался полотняный свёрток. Я развернула его: крупный белый порошок, смешанный с золой.

— Поперёк входа. Без разрывов.

Я упала на колени у порога и начала сыпать. Руки тряслись. Полоса выходила то густой, то почти незаметной.

Каэль отступил на шаг.

За его плечом качалось лицо с целым глазом. Мутным, желтоватым, повёрнутым прямо ко мне.

Я высыпала остаток в просвет между камнями.

— Готово.

Принц переступил через полосу и подхватил меня под локоть.

Мертвец дошёл до порога.

Его босая ступня коснулась порошка. Послышался тихий треск, как если бы в угли бросили сырую ветку. Существо дёрнулось и отступило. Стоявшие за ним теснили его вперёд, но ни одна рука не протянулась внутрь.

Каэль отпустил меня.

Несколько мгновений он оставался на ногах, внимательно разглядывая белую черту. Потом медленно опустился у стены.

Я присела рядом.

Кровь уже стекала с края рубахи на пояс.

— Не вытаскивай нож, — сказала я.

Он повернул голову и посмотрел на меня.

Я слышала собственное дыхание. Слишком частое. Захотелось объяснить, что я умею останавливать кровь, что не раз перевязывала охотников. Но под рубахой я не видела раны. Помнила лишь, под каким углом вошло остриё. Возможно, клинок прошёл только через мышцы бока. Надеяться на это было рано.

— Нужна чистая ткань.

— В мешке.

Я нашла рубаху и разорвала её по шву. Каэль следил за мной, не выпуская меча. Это было правильно. Я бы тоже не выпустила.

За порогом собирались мёртвые. Они больше не пытались войти. Просто стояли, заслоня вечерний свет.

Я сложила ткань и осторожно прижала к ране возле клинка.

Принц резко втянул воздух.

— Знаю, — прошептала я.

— Что именно?

Я не нашла ответа.

На моей шее подсыхала тонкая царапина. На полотне под пальцами проступило тёмное пятно. Я положила сверху ещё один сложенный кусок, стараясь не задеть рукоять. Кровь перестала капать на пояс, но ткань оставалась тёплой и влажной.

— Зачем ты это сделал? — спросила я.

Он посмотрел на мою руку, потом на вход.

— Они держали тебя за ногу.

— Ты мог уйти.

Каэль устроил затылок на камне. Несколько ударов сердца я думала, что он не ответит.

— Прижми крепче, охотница.

Я послушалась.

Между нами торчала рукоять моего ножа. До неё было совсем близко: сжать пальцы, повернуть, закончить работу.

Я поправила ткань, чтобы железо не смешалось, и осталась держать.

ГЛАВА 4. До первого света

Под порогом снова толкнуло. Камни разошлись, разорвав белую полосу, и Каэль рывком поднялся.

Я ударилась плечом о камень, когда он толкнул меня себе за спину. Ткань выскользнула из-под моей ладони. Нож, всё ещё торчавший у него под рёбрами, качнулся.

На месте, где я только что стояла, сомкнулись чужие руки.

Мертвец без нижней челюсти тянулся к нам через порог. Сырая глина набилась ему в рот и висела под языком тяжёлым комом. На запястье болтался обрывок верёвки. Он ухватил принца за полу, дёрнул с такой силой, что ткань затрещала.

Каэль отсёк ему кисть.

Пальцы не разжались.

— От порога, — сказал он.

Серая полоса порошка почернела там, где её коснулась отсечённая рука. Ещё недавно мёртвые не могли через неё переступить. Теперь человек без челюсти поставил ногу на край и замер, покачиваясь.

Я видела кровь на рубахе Каэля. Моей работы. Чёрное пятно расплзлось под рёбрами, и почему-то именно оно, а не мертвец, привело меня в движение.

Я подхватила обломок камня и шагнула к пролому. У самого порога лежало древнее изваяние: голова, стёртая дождями до гладкого овала. За ней из земли показался ноготь, потом палец, сломанный поперёк.

Принц отступил от входа, удерживая клинок перед собой. Снаружи поднимались ещё трое.

Человек без челюсти волочил обрубок. Женщина в остатках длинного платья шла на четвереньках, не сгибая коленей. Третий не мог выбраться: корень держал его за шею, а он тянулся вперёд, оставляя на коре кожу.

Мои лук, колчан и сумка остались у поваленной колонны за низкой стеной. Всего шесть шагов через эту землю.

Теперь до них было не добраться.

— Пригнись!

Каэль послушался без вопросов. Я швырнула камень над его плечом.

Он попал женщине в лоб. Голова дёрнулась, но движение не замедлилось. Она пересекла почерневшую полосу, вцепилась в сапог принца и поползла вверх по ноге.

Он наступил ей на предплечье, высвободился и ударил в шею.

Отделённая голова покатилась ко мне. Я отшвырнула её носком прежде, чем успела подумать. Зубы щёлкнули о камень.

— По суставам, — выдохнул Каэль. — Не трать время на голову.

Я подхватила прислонённую к стене доску и ткнула ею в лицо следующему мертвецу. Дерево было трухлявым, край рассыпался. Но тварь отшатнулась, дав нам мгновение.

Изнутри у проёма стояла каменная плита. Когда-то она, должно быть, закрывала гробницу. Теперь её подпирали два обломка кирпича.

Я выбила один, упёрлась плечом в край. Каэль выбил второй подпорный кирпич здоровой рукой.

Он издал короткий звук, будто подавился воздухом. Камень качнулся. Я упёрлась обеими ногами в пол, толкнула ещё раз, и плита рухнула поперёк пролома.

Снаружи хрустнуло.

В щели под камнем осталась рука. Пальцы скребли пыль, ощупывали пол, тянулись к нам. На одном блестело медное кольцо.

Я отступила.

— Надолго?

— Нет.

Он придерживал ткань возле рукояти моего ножа.

В развалинах было темно, но над уцелевшей частью свода ещё держалась крыша. Через круглое отверстие в ней виднелся клочок неба. Лунный свет ложился на низкий каменный стол, две расколотые чаши и сухие стебли, нанесённые ветром.

Запах земли смешивался с другим, густым и сладковатым. Так пахнет мясо, забытое в закрытом мешке.

Я вытащила из-за голенища короткий запасной нож.

— Есть другой выход?

Каэль кивнул в сторону арки за столом.

Я сделала три шага и остановилась. Узкий проход заканчивался завалом. Между камнями торчали древесные корни толщиной с мою ногу. В одном из просветов что-то белело.

Кончики пальцев.

Они медленно раздвигали щебень.

— Не этот, — сказала я.

Принц ничего не ответил.

Он стоял, опираясь спиной о стену. Клинок был опущен, кровь стекала по другой руке и капала с мизинца. Я услышала, как одна капля ударилась о камень.

Потом другая.

— Надо заняться раной.

— Следи за проломом.

— Сначала рана.

Он посмотрел на нож в моей руке. Свой меч держал поперёк тела, не подпуская меня ближе.

— Сейчас?

— Если бы я хотела закончить начатое, мне достаточно было бы подождать.

Мне следовало именно это и сделать.

Сесть подальше от щелей, сохранить силы. Дождаться, пока у него не останется сил даже на вдох. Потом вырезать сердце и искать дорогу наружу. Мертвецы пришли за ним. За кем же ещё? Гарт предупреждал, что возле изгнанника будет нечисть.

Но лежащая на полу отсечённая кисть всё ещё держала кусок его одежды.

Я убрала запасной нож и взяла Каэля за запястье.

— Садись, пока можешь.

Он сполз вдоль стены. Только теперь я заметила, как дрожат у него ноги.

Снаружи по плите ударили. Не кулаком: звук получился глухой, тяжёлый. Будто в неё били лбом.

— перевязки есть?

Он указал на свою дорожную сумку у стены.

Я подтащила её к себе, растянула, достала свёрнутый холст, флягу и маленький мешочек сушёного тысячелистника. Такие травы могли разве что утешить дурака. Мешочек я отложила.

Рубаха прилипла к телу. Пришлось надрезать её коротким ножом и отлеплять понемногу, не задевая рукояти.

Он не шевелился.

Мой удар пришёлся слева, ниже рёбер. Я помнила сопротивление кожи, жар на ладони, помнила, как он повернулся в последний миг. Именно это движение, которое тогда разозлило меня, теперь давало ему шанс.

Лезвие вошло наискось, почти вдоль бока. Снаружи осталась большая его часть. Похоже, я рассекла мышцу, а не ударила вглубь, как намеревалась. Но в полумраке нельзя было знать наверняка.

— Дышать больно?

— Да.

— Где?

Он провёл пальцем вдоль нижнего ребра.

Рукоять цеплялась за рубаху при каждом движении. Оставлять нож так было нельзя: ещё один рывок, и он сам разорвёт рану шире.

— Не двигайся.

Я сложила холст в несколько раз и приготовила его у самого лезвия. Вытащила нож тем же движением, каким вогнала, и сразу прижала ткань.

Каэль запрокинул голову. Затылок стукнулся о стену.

Кровь выступила быстро, но не била толчками. Я положила нож рядом и надавила обеими руками.

— Сильно болит?

Он повернул ко мне лицо.

— Тебе нужна оценка удара?

— Мне нужно знать, не становится ли хуже. Если я задела что-то внутри, одной повязкой не обойтись.

— А ты сможешь это исправить?

— Нет.

Несколько мгновений мы молчали.

Под моей ладонью намокала ткань. Было странно чувствовать, сколько в нём тепла. Я представляла эту встречу иначе: быстрый выпад, мёртвое тело, мешок, зашитый промасленной ниткой. В моих мыслях у него не было дыхания, которое приходилось считать.

Постепенно кровь стала проступать медленнее.

— Держи здесь.

Я положила его руку поверх холста и принялась рвать оставшуюся ткань на полосы.

— Зачем? — спросил он.

— Сам не видишь?

— Я вижу, что ты делаешь.

Снаружи заскреблись. Рука под плитой скрючилась и пролезла чуть дальше.

— Ты пока полезен, — сказала я. — Не придавай этому значения.

Он прикрыл глаза.

Я обвела полосу вокруг его туловища. Чтобы протянуть её за спиной, пришлось наклониться совсем близко. Щекой я чувствовала его неровное дыхание. На коже возле плеча был старый белёсый рубец. Ещё один, круглый, виднелся под ключицей.

Ни золота, ни шёлка. Костяная пуговица у горла, обломанный ноготь. На ладони мозоли от рукояти.

Я закрепила холст тугой повязкой.

— Скажи, если голова закружится сильнее.

— Уже.

— Раньше нельзя было сказать?

— Ты спрашивала о дыхании.

Из арки посыпался щебень.

Я вскочила, выхватив короткий нож.

В завале открылась щель. Из неё показалось лицо, сплющенное между двумя камнями: один глаз закрылся кожной складкой, другой смотрел прямо на меня. Рот шевелился.

Я ждала рыка.

— Пусти, — произнёс мертвец.

Голос был тихим, с деревенским выговором.

У меня пересохло во рту.

— Пусти домой.

— Не слушай, — сказал Каэль.

Тварь протиснула плечо. Рубаха на ней казалась почти целой. Под воротом торчал клочок пакли, которым кто-то заткнул глубокий разрез на шее покойника перед погребением.

— Там дети.

Я схватила обломок доски и ударила по лицу. Оно смялось, затылок стукнулся о камень. Мертвец снова полез вперёд.

Принц поднялся рядом. Я даже не услышала, как.

— Я велела сидеть.

Он перехватил доску, прижал ею чужое предплечье к краю щели.

— Режь локоть.

Мне не нравились приказы. Ещё меньше нравилось, что сейчас он был прав.

Я всадила короткое лезвие в сгиб сустава и повернула. Сухожилие оказалось упругим, будто у живого. Тварь заскребала второй рукой, потянулась к моему лицу.

Каэль ударил сверху.

Отсечённая рука упала между нами. Я оттолкнула её сапогом, ухватила валявшийся камень и забила им щель. Потом заложила просвет ещё несколькими обломками, пока принц удерживал доску.

За ними продолжали говорить.

Уже о чём-то другом. О хлебе, оставленном в печи.

Я отступила к столу.

— Они помнят?

— Не знаю.

Я подняла голову.

— Как это — не знаешь?

— Я не знаю, кто говорит. Они или то, что ими двигает.

В его голосе не было ни торжественности, ни удовольствия от моего страха. Только усталость. Значит, он не пугал меня нарочно. Хлеб и дети могли быть настоящими.

Каэль согнулся, придерживая повязку.

— Садись, — повторила я.

Он опустился у завала, положив меч поперёк колен.

Я собрала сухие стебли и щепки возле стены. Огниво из его сумки выскальзывало из окровавленных пальцев. Первая искра погасла, вторая тоже. Наконец трут занялся.

Огонь низко осветил помещение, выхватив колени принца, лезвие на полу, раскрытую сумку. По стенам тянулись резные линии, забитые копотью. Разглядывать их было некогда.

Я подбросила остатки доски.

— Боятся пламени?

— Оно портит мышцы. Пока горят, двигаются хуже.

— Значит, всё-таки мясо.

Он посмотрел на кисть у пролома.

— В каком-то смысле.

Мы соорудили два факела из щепок и лоскутов, оторванных от подкладки его плаща. На один я вылила немного масла из дорожного пузырька. Второй оставила про запас.

Когда между плитой и косяком протиснулись пальцы, я сунула туда огонь.

Запахло палёной кожей. Рука не отдернулась сразу. Кожа почернела, ногти зацепились за камень. Я держала факел, пока хватка не ослабла, а потом прижала обуглившиеся пальцы обломком чаши.

С той стороны ударили снова.

Плита дрогнула.

— До рассвета сколько? — спросила я.

Каэль взглянул в отверстие над нами.

— Часа четыре.

Мне показалось, он сказал: четыре дня.

Я стала переносить к пролому всё, что могла сдвинуть: каменные обломки, кусок колонны, разбитую чашу. Последнюю Каэль попытался подтащить одной рукой. Я выругалась, отняла у него тяжесть и велела следить за аркой.

Он послушно взял клинок.

Эта покорность начинала меня злить.

— Всегда делаешь, что говорят?

— Не всегда.

— Мог бы и сейчас не делать.

— Сейчас ты стараешься, чтобы я не умер.

Я поставила чашу на бок, заклинив ею основание плиты.

— Не привыкай.

Час или два прошли в работе, которой не было конца.

Камни расшатывались. Я заталкивала их обратно. Мёртвые лезли в щели, и я жгла их, резала сухожилия, ломала пальцы. Каэль сидел у завала, экономно опуская меч всякий раз, когда между корнями появлялась рука.

Ни одного лишнего движения. Иногда он надолго замирал, и тогда я окликала его.

Он отвечал не сразу.

Мой охотничий нож всё ещё лежал у стены. Я подняла его, вытерла о клочок рубахи и убрала в ножны. Для щелей короткое лезвие подходило лучше.

Когда масло кончилось, я перебрала вещи принца и нашла на дне сумки свечной огарок. Воск капал на ткань факела и шипел. Над огнём дрожали мои руки.

Я хотела пить, но дала флягу принцу.

Он сделал два глотка и вернул.

— Пей.

— Не командуй.

— Тогда не пей.

Я приложила к горлышку. Вода пахла кожей и железом.

Снаружи вдруг стало тихо.

Не сразу: ещё шуршала земля, покатывались мелкие камни. Потом и это прекратилось.

Тишина оказалась такой полной, что я услышала собственный вдох.

— Ушли?

Каэль медленно поднял меч.

Над нами заскребло.

Я посмотрела вверх.

В круглое отверстие свода свешивалось лицо. Волосы закрывали его почти целиком. Между ними блестели зубы.

Пальцы перебирали края каменной кладки.

— Отойди, — сказал принц.

Поздно.

Тело рухнуло на стол, сбilo обломок чаши и скатилось прямо на меня. Я успела подставить предплечье под чужую шею. Мы ударились о пол.

Воздух вышибло из груди.

Мертвец пах мокрой золой. Он был тяжёлым, сохранившим всё мясо. Рот раскрывался возле моего уха. Я упираюсь локтем ему в горло, а свободной рукой шарю по полу в поисках выпавшего ножа.

Пальцы нашли только пыль.

Зубы сомкнулись на воротнике.

Я подтянула колено, попыталась сбросить его. Не смогла.

Перед глазами мелькнул клинок. Каэль ударил в плечо, затем ещё раз. Отделённая рука осталась у меня на груди, продолжая мять ткань.

Вес сместился.

Я вывернулась, нашла нож и перерезала сухожилия под коленями. Принц придавил голову ногой.

Я подтянула тело к огню за остатки одежды, а Каэль удерживал клинком уцелевшую руку, не давая ей ухватиться за меня.

Оно шевелилось, пока мы жгли его.

Каэль опустился рядом на колено. Я подхватила его под здоровую руку прежде, чем он упал лицом в угли.

— Смотри на меня.

Он смотрел куда-то мимо.

Я помогла ему добраться до стены и уложила на плащ. На повязке расплывалось свежее пятно. Пришлось прижать сверху ещё один сложенный лоскут холста.

— Зачем ты встал?

Он сглотнул.

— Ты была внизу.

Я открыла рот и закрыла.

Он едва держал голову, а я спрашивала так, будто у него был выбор.

Остаток ночи я провела рядом с ним, одной рукой удерживая ткань на ране, другой сжимая нож. Несколько раз приходилось подниматься к пролому. Возвращаясь, я каждый раз сперва смотрела, движется ли его грудь.

Мне это не нравилось.

Я злилась на него за кровь, на мертвецов, на собственные руки, давно выбравшие дело без моего согласия. Под ладонью ткань оставалась тёплой, и я не могла понять, остановилось кровотечение или кровь по-прежнему просачивается понемногу.

Когда Каэль закрыл глаза, я тронула его плечо.

— Не спи.

— Я слышу.

— Что?

— Как ты скрипишь зубами.

Я заставила себя разжать челюсти.

За плитой скреблись всё реже. В завале тоже притихли. Я дождалась, пока Каэль сам сможет прижать повязку, и поставила у огня его жестяную кружку с водой. В боковом кармане сумки нашлись игла и тонкая льняная нить. Я положила их в воду и дала ей прокипеть.

Без света я не решилась бы шить. Но через отверстие в своде уже можно было различить края облаков.

Я осторожно смочила и сняла верхнюю повязку. Кровь больше не текла. При тусклом свете углей стало видно, как косо прошёл нож: длинный разрез уходил вдоль бока, и при каждом движении его края расходились. Я промыла кожу вокруг остывшей кипячёной водой.

Каэль не кашлял кровью, боль в животе не нарастала. Это обнадеживало, но большего я себе обещать не позволяла.

— Кожу стяну, — сказала я. — Иначе при первом шаге опять откроется.

Он кивнул.

Я наложила несколько редких стежков, не затягивая их слишком сильно. Он лежал неподвижно, только пальцы сжимали край плаща. Игла упрямо поворачивалась в моих усталых руках. Однажды я уколола себя и едва не выругалась вслух.

Последний узел дался хуже остальных.

Свет пришёл незаметно. Сначала проступил край разбитой чаши, потом я увидела засохшую кровь у себя под ногтями. Клочок неба над сводом посерел.

За плитой больше не двигались.

Я прикрыла швы сложенным холстом и подождала, считая удары пульса на его запястье. Ткань оставалась чистой.

Каэль открыл глаза.

— Дожили, — сказала я.

Он чуть повернул голову к свету.

Короткий нож лежал рядом, рукоятью к ладони. Я вытерла его, убрала за голенище и взяла одну из отложенных узких полос. Нужно было закрепить повязку, прежде чем пытаться выйти наружу.

ГЛАВА 5. Последняя хранительница

На рассвете мёртвые перестали скрестись под камнями.

Я заметила это не сразу. Сидела у пролома, прижимая к колену окровавленную тряпицу, и всё прислушивалась к короткому сухому стуку. Так стучат костяшками в дверь, когда боятся разбудить кого-нибудь, кроме того, к кому пришли.

Последний раз звук донёсся из-под расколотой плиты у моих сапог. Потом в лесу свистнула птица.

Обычная птица. Я чуть не рассмеялась.

Каэль стоял возле стены, опираясь на неё ладонью. Свежая повязка оставалась чистой; ниже неё на рубашке темнела засохшая за ночь кровь. Именно туда я ударила его вчера. Теперь мне хотелось сказать, чтобы он сел, и от этого желания становилось стыдно.

— Подойди, — произнёс он.

— Тебе нельзя стоять.

Он оглянулся. Я ждала насмешки, но он только перевёл дыхание и снова посмотрел на камень.

Над обвалившимся сводом светлело небо. В этой части святилища ещё держалась крыша, и по краю её торчали корни — вымытые дождями, гладкие, похожие на старые верёвки. Между ними висели капли. Одна сорвалась Каэлю за ворот, но он не шевельнулся.

Я поднялась, оставив тряпицу на полу.

Камень был выше меня на ладонь. Ночью я приняла его за остаток стены: плоский, серый, покрытый лишайником. Теперь на нём проступали высеченные знаки. Они шли кругами, один внутри другого, а посередине белела ладонь, вырезанная так тонко, что различались складки у основания пальцев.

Через запястье проходила трещина.

Свежая. Без грязи, без мха. На нижнем краю ещё держалась каменная крошка.

— Не касайся, — сказал Каэль.

Моя рука уже тянулась к расколу.

— Я не собиралась.

Он ничего не ответил.

Выше кругов кто-то высек зверей. Справа — волка с вытянутой мордой, слева — птицу, чьи крылья обнимали верхний край печати. Несколько изображений стёрлись; от одного остались только раздвоенные копыта. Но олениха сохранилась целиком.

Она стояла, чуть повернув голову, будто слышала за спиной осторожный шаг.

Я знала этот поворот.

Помнила мокрый нос, травинку, прилипшую к нижней губе. Она жевала, когда я натянула тетиву. Не вскинула головы, не пригнулась, не попыталась скрыться между стволами.

— Белая, — сказала я.

Каэль провёл большим пальцем по краю изображения, не касаясь знаков внизу.

Под серым налётом показался белый камень. Не краска: олениха была вырезана отдельно и вставлена в плиту. Вдоль её шеи тянулась тонкая выпуклая полоса.

Мне стало холодно под ногтями.

Я приблизилась настолько, что почувствовала лицом сырость стены.

Полоса начиналась за левым ухом, шла наискось и обрывалась у горла. На живой оленихе там росла редкая шерсть. Старый шрам стягивал кожу, и, когда я снимала шкуру, нож пришлось повернуть, чтобы не прорезать её насквозь.

Я помнила, как досадовала на порчу.

— Откуда это здесь?

Мой голос прозвучал слишком громко. Птица снаружи умолкла.

— Она приходила сюда до того, как возвели стену, — ответил Каэль. — И продолжала приходить после.

— Сколько лет этой стене?

— Несколько сотен.

— Олени столько не живут.

— Обычные — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.